

АЛЕКСАНДР ЛАПТЕВ

ЗАКЛЯТИЕ ШАМАНА

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Александр Лаптев

Заклятие шамана

«ВЕЧЕ»

2018

Лаптев А. К.

Заклятие шамана / А. К. Лаптев — «ВЕЧЕ», 2018 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-8292-2

Встреча с таинственным незнакомцем, злополучная ночевка возле могилы древнего шамана и глоток священного бурятского напитка архи могут легко обернуться путешествием в неведомые параллельные пространства... Ведь в этом мире нет ничего устоявшегося. Любая истина – относительна. Да и то ли мы видим, что есть на самом деле?.. Мистический роман известного сибирского писателя Александра Лаптева продолжает ряд произведений таких мастеров жанра магического реализма, как Ф. Сологуб, М. Булгаков и В. Орлов.

ISBN 978-5-4484-8292-2

© Лаптев А. К., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Часть I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Лаптев

Заклятие шамана

© Лаптев А.К., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

«Пришли и стали тени ночи...»
Я.П. Полонский

Часть I

В тот памятный августовский день я сидел в редакции и правил рукопись никому не известного писателя. На лице у меня была тихая грусть, в душе – печаль. Конца-краю всей этой волоките не предвиделось, и я существовал как бы в двух измерениях: первый «я» читал бездарную рукопись, а второй «я» грустил над собственной судьбой – неудачливой, несправедливой, гадкой – совсем не такой, о какой я грезил в пору невозвратной юности... В такую-то минуту в дверь кабинета робко постучали. Я с удивлением посмотрел на давно не крашенную деревянную дверь, которая никогда не запиралась и которую частенько открывали хорошо поставленным ударом ноги. Редакция в отдельные часы напоминала проходной двор. Заходили все кому не лень, порой без всякого повода – просто от нечего делать (попробуй потом выгони непрошеного гостя!). И вдруг – тихий перестук. Так стучат или шибко умные и талантливые, или донельзя робкие и углублённые в себя. Тех и других я безотчётно любил, потому что и сам такой, и ещё потому, что нас – тихих и вежливых интеллигентов – страшно мало на этом свете.

Итак, раздался осторожный перестук, и дверь приоткрылась.

– Можно?

Голос был мужской, и я уже видел из своего угла крупную сутуловатую фигуру. Это был высокий черноволосый мужчина с открытым спокойным лицом и ясным взглядом тёмных бархатистых глаз. Он приятно улыбался и смотрел на меня с таким кротким выражением, что я сразу же почувствовал к нему симпатию. (О, эта редакторская опытность! О, умение читать в чужой душе... – иногда вы очень пригождаетесь!).

Как бы невзначай отодвинув локтём надоевшую рукопись, я с ободряющей улыбкой глянул на посетителя. Видно было, что это очень воспитанный и вежливый человек. В руках у него ничего не было. Стало быть, не автор (ещё один плюс в его пользу). Может, дверью ошибся?

– Присаживайтесь! – кивнул я на ободранный стул перед столом. – Вас как зовут?

– Николай Иванович Марков, – молвил гость, опускаясь. – А вы Константин Фёдорович Лапин?

– Да, это я.

– Писатель-фантаст?

– Можно сказать и так... Было время, когда я работал в этом жанре, по три повести за месяц успевал накропать, а теперь сами можете видеть.

Я многозначительно кивнул на письменные столы с лежащими на них бумагами.

– Понимаю, – с серьёзным видом проговорил мужчина. – Служенье муз не терпит суеты. Очень понимаю!

Я откинулся на спинку кресла. Гость нравился мне всё больше.

– А позвольте полюбопытствовать, с чем пожаловали? – спросил я как можно мягче. Это редко так бывает, чтоб я сам спрашивал. Обычно посетители торопились высказать свою просьбу и неловко совали мятые рукописи, с тревогой заглядывая в глаза и словно стыдясь чего-то.

В этот раз было не так. Гость вдруг принагнул голову и заглядывался. Я тоже зачем-то оглянулся, хотя в кабинете, кроме нас двоих, никого не было. Один мой сотрудник был в командировке. Другой – на выступлении. А третий работал дома, читал рукописи лёжа на диване (так ему было сподручнее). Двое мы были в кабинете, никто нас не подслушивал и видеть не мог. Да и чего такого мог он мне сказать? Это при советской власти за писателями усиленно следили, боялись, как бы они не того... не обманули доверчивый народ, не соблазнили «малых сих». Но теперь-то чего нас опасаться? Иной раз и хочется, чтоб нами заинтересовалась какая-нибудь спецслужба. Иностранная разведка – тоже хорошо. Чтоб следили за нами круглосуточно, снимали на камеру в инфракрасных лучах. Назначали подпольные встречи на

конспиративных квартирах и предлагали бешеные деньги. Мы бы от денег мужественно отказывались (в большинстве своём), а потом писали бы про себя героические повести, какие мы несгибаемые патриоты и борцы с империализмом! И уж тогда всё сразу – деньги, слава и всё то, что неизбежно вытекает из первых двух...

Но ничего этого пока что не предвиделось. Передо мной сидел гость, приятный во многих отношениях, хотя и несколько странноватый. Я глядел на него с любопытством и ожидал всякого. Настроение вдруг резко ухудшилось: опять какой-нибудь анекдот. А мне ещё работать надо. Потом домой ехать, телевизор смотреть целый вечер. Неутомимый Малахов будет с упоением рассказывать про свинцовые мерзости наших дней, разоблачая всяких подлецов, которые кишмя кишат повсюду и везде. А я буду всё это слушать, потому что это как бы интересно, а мне как бы нечем себя занять. Дел у меня как бы много, но делать всё равно как бы нечего. Такая диалектика. А лучше сказать: прохиндиада, топтание на месте... Был такой фильм лет двадцать назад. О чём уж он там, я не помню, а название запомнилось. Про-хин-диада – от слова «прохиндей»!

Гость вдруг резко придвинулся, посмотрел в самые глаза.

– Я хочу рассказать одну историю... думаю, она вам пригодится... повесть потом напишете. Прославитесь.

Я набрал полную грудь воздуха и сделал озабоченное лицо, словно задумал нечто неординарное. Мне сотни раз предлагали «истории», но ещё ни разу не рассказали ничего стоящего, хоть сколько-нибудь интересного.

– Я в общем-то не против, – заговорил было я и вдруг выдал: – А, может, вы в письменной форме изложите? В общих чертах! Я прочту, а потом мы с вами это дело обсудим.

– В письменной форме нельзя! – с полной убеждённостью ответил гость. – А вдруг кто-нибудь прочтёт?

Я с удивлением глянул на него.

– Что-то я не понял. Вы хотите, чтобы я написал повесть, а сами боитесь, что про вашу историю кто-нибудь узнает. Как-то это нелогично.

Гость с готовностью кивнул.

– Да, это кажется нелогичным. Но логика есть. Одно дело – повесть. И совсем другое – моё изложение. Повесть будет интересной, уверяю вас. А если прочтут мою писанину, меня сочтут сумасшедшим и упрячут в жёлтый дом. Я даже своей жене боюсь рассказывать об этом!

Я снисходительно улыбнулся.

– А мне, стало быть, не боитесь.

– Вы – другое дело.

– Так-так... – Я взял в руки карандаш и стал вертеть его в пальцах, всем своим видом показывая, что мне особо некогда лясы точить, а надо мне работать, потому что долг велит, а я – на службе.

– Я понимаю, вы мне не верите, – с грустным видом проговорил гость.

– Помилуйте! Ведь вы ещё ничего не рассказали. Верить или не верить пока что нечему. – Говоря так, я осторожно потянул с края стола папку с корректурой. – А приходите-ка вы лучше завтра часика в два. Тогда и обсудим ваш вопрос.

– В два часа я не могу, у меня учёный совет.

Угасший было интерес вспыхнул с новой силой.

– Учёный совет? А вы кем работаете?

– Завлабом в НИИ прикладной физики. Я доктор физических наук. Исследую вопросы высокотемпературной сверхпроводимости.

– Вы доктор физических наук? – переговорил я, с усиленным вниманием разглядывая гостя.

– Да, доктор. Вот. – И он вынул из внутреннего кармана пиджака визитку с золотым ободом.

Я быстро пробежал глазами. Действительно, доктор физических наук. И даже профессор.

– И что же, лекции студентам читаете?

– Придётся теперь... – ответил тот, потупившись. – Вообще-то я этого не люблю. От работы сильно отвлекает. Конспекты нужно писать, настраиваться. Такая канитель...

Я во все глаза смотрел на застенчивого профессора. В эту минуту он походил на нашкочившего ученика. Что-то тут было не так. Или он всё это придумал, или с ним действительно произошло что-то невероятное.

– Ну хорошо, – сказал я, – выкладывайте свою историю, только покороче. И сразу предупреждаю: если ваш рассказ покажется мне неинтересным, то, стало быть...

– Выставите меня за дверь? – с неожиданной весёлостью подхватил гость.

– Посмотрим, – кивнул я и посмотрел на часы. – Начинайте. У вас пятнадцать минут.

Гость в очередной раз огляделся.

– Можно, я прикрою дверь?

Я махнул рукой.

– Валяйте.

Он легко поднялся и прошёл к двери. Выглянул в коридор, потом плотно притянул створки и быстро вернулся, сел в кресло, закинув ногу на ногу.

– Даже не знаю с чего начать, – произнёс гость, пылливо глядя на меня. Он словно прикидывал, выдержу ли я его рассказ. Но меня очень трудно чем-то по-настоящему обескуражить.

– Начните с главного, – посоветовал я.

– Если я начну с главного, вы сочтёте меня сумасшедшим, – не раздумывая ответил гость.

Эту фразу я уже слышал. Становилось скучно. Я принял строгий вид.

– Послушайте, вы или рассказываете или вообще не начинайте. Не надо этих ваших предисловий. Это всё лишнее.

Гость переменял позу, протяжно вздохнул.

– Что ж, тогда так... Вчера вечером я вернулся из турпохода. Отсутствовал ровно неделю. Раз в три года я отправляюсь в отпуск на Байкал. Есть у меня отличная дача на Байкальском тракте. Я могу спокойно поехать за границу. Китай, Вьетнам, Индия, Штаты, Канада, Бельгия, Аляска... я могу поехать хоть на край света! – Он бросил на меня торжествующий взгляд.

Я лишь пожал плечами. Глянул искоса на циферблат настенных часов. Пять минут уже прошло.

Он вдруг придвинулся:

– Но вы знаете, никакая заграница не сравнится с нашей сибирской тайгой! Нет, в самом деле! Уедешь в самую глушь, поставишь палатку посреди леса и живёшь там неделю, другую, третью... пока не потеряешь человеческий облик. А потом – домой, в цивилизацию! Это, скажу я вам, нечто! Эффект потрясающий! Целый год потом вспоминаешь таёжную жизнь, и всякий раз, как вспомнишь, такая благодать снизойдёт! Не дай бог, как хорошо!

Я снова посмотрел на часы. Как медленно тянется время.

– В этом году я провёл на Байкале всего семь дней, – чуть поубавив тон, продолжил он.

– Неделю то есть, – поддакнул я из вежливости.

– Точно!

– И что же с вами за эту неделю произошло?

– Со мной – ничего. Я в полном порядке!

– Рад слышать, – с преувеличенной важностью кивнул я. – Главное – сохранять бодрость духа и веру в себя. В Писании сказано: спаси самого себя, и тогда рядом с тобой спасутся сотни. Я ничего не путаю?

Гость подождал, когда я закончу, потом нетерпеливо продолжил:

– Не знаю, наверное... Со мной-то всё в порядке. А вот со всеми остальными определённо что-то произошло!

– Что вы имеете в виду?

Гость тяжело вздохнул. Плечи его опали, лицо потемнело, взгляд стал безжизненным. Столь внезапная перемена поразила меня. До сих пор всё было если не весело, то и не грустно. Кольнула догадка: может, и впрямь сумасшедший? Бывают ведь психи тихие, на первый взгляд неотличимые от нормальных людей. Вероятно, на моём лице отразилась эта каверзная мысль. Гость внимательно глянул мне в глаза и усмехнулся. У меня мороз пошёл по спине от этой усмешки! Он отлично всё понял. И теперь я точно знал, что он в здравом уме.

– Поставьте себя на моё место, – заговорил он с печальной улыбкой. – Вы заходите к себе домой после недельного отсутствия. И видите всё то же – комнаты, мебель, стулья, люстру на потолке...

– Так-так, продолжайте... – поддакнул я тоном следователя.

– ...а собака в доме – другая! Когда уезжал, был сеттер, а приехал – обычная дворняга, вислоухая, глупая. Лает как последняя дура.

Я пожал плечами.

– Старая собака околела, вот жена и взяла новую, чтобы утешиться. Так часто делают. Я сам однажды...

– Да ладно бы только собака! – вскинулся Николай Иванович. – Жена тоже оказалась другая! Когда уезжал, была одна, а вернулся – другая вместо неё.

Повисла пауза. Я смотрел не мигая на странного гостя. Такое чувство было, будто мы летим в самолёте и угодили в воздушную яму. В голове стало гулко, дыхание вдруг оборвалось, а через секунду сердце снова застучало, но уже не покойно и радостно, а судорожно, тревожно.

– Вы уверены в этом? – спросил я как можно мягче.

– В чём?

– Насчёт жены. Что была одна, а стала другая? Куда же первая делась?

– Конечно, уверен, – легко подтвердил гость. – Ведь я их обеих хорошо знаю.

Тут я снова взял паузу. Сбоку на стене висели часы. Я видел краем глаза, что до заветной метки оставалось две минуты. Но это уже не имело значения. Прямо сейчас я мог решительно встать и демонстративно выйти из кабинета. Именно так! Не просить выйти гостя, а молча выйти самому. Это действует лучше всего! Однако я оставался недвижим. Если бы мой гость проявил агрессию, как-нибудь воздействовал на меня... Ничего подобного. Он говорил тихим приятным голосом, сам при этом смотрел испытующе. Ему интересна была моя реакция, он как бы сочувствовал, что мне приходится выслушивать подобный бред. Брови его иногда вздрагивали, а лицо приобретало просящее выражение.

– Я два раза был женат, – продолжил он, когда понял, что я не убегу. – С первой женой мы расстались пятнадцать лет назад. Прожили с ней восемь лет, всё было нормально, а потом как-то не заладилось и бац – развод! Через пять лет я женился снова. И тоже поначалу всё отлично было. А вчера прихожу домой, а там та, первая жена. И всё выглядит так, будто ничего не было – ни развода, ни повторной женитьбы. Ведь она тоже потом вышла замуж.

– Так это была ваша первая жена?

– Ну да! Я же говорю, мы с ней не виделись пятнадцать лет. Я вообще ничего не знал про неё. И вдруг она у меня дома, хозяйничает на кухне, приглашает к столу. Спрашивает, как я отдохнул.

– А вторая жена куда подевалась? – спросил я, стараясь сохранять спокойствие.

– Мне это самому интересно! – с воодушевлением подхватил гость. – Нет никаких следов её пребывания в доме! Ни фотографий не осталось, ни документов. И ни одной вещи. Будто она вовсе не существовала!

Я медленно выпрямился. Сонливость как рукой сняло. В такой ситуации надо быть готовым ко всему.

– Ничего не понимаю. А первая жена что говорит?

– В смысле?

– Ну, насчёт развода. Ведь вы с ней развелись пятнадцать лет назад, сами же сказали! Наверняка у неё была какая-то своя жизнь. Как же она опять у вас оказалась?

– Так в этом весь фокус. Не было никакого развода, а все эти годы мы прожили вместе!

– Это она вам сказала?

– Да все так говорят!

– Кто это – все?

– Ну все! Соседи, сослуживцы, тёща, дети.

– У вас ещё и дети есть?

– А как же, двое!

– А раньше дети были? Ну с той, первой женой?

Мужчина вдруг замялся, взгляд его затуманился.

– Тут я уже сам чего-то не пойму. Раньше детей у меня точно не было, ведь я бесплодный! Даже справка есть от врача. С одной стороны, это очень удобно... – Он искоса глянул на меня и чуть усмехнулся. – Ну, вы меня понимаете?

Я сделал вид, что не понял.

Гость продолжил:

– А откуда эти двое взялись, вообще не знаю! Но я их всё равно люблю. Чувствую – мои! Плоть от плоти! Бывает же такое?

– Очень интересно, – незаметно переводя дыхание, произнёс я. – Неделю назад у вас не было детей, а теперь целых двое.

Мужчина во все глаза смотрел на меня.

– Вы считаете, что это плохо?

– Не знаю, что сказать. Дети – это цветы нашей никчёмной и бездарной жизни.

– Вы так считаете?

– Да, считаю. И не только я.

– А у вас дети есть?

– Конечно.

– Тоже двое?

– Нет, один. Сын. Лёшка.

Гость опустил голову, задумавшись, несколько раз неспешно кивнул каким-то своим мыслям. Мне всё это не нравилось. Пора было заканчивать эту комедию. «Финита ля комедия!» – как выразился однажды наш президент. Я взял со стола выдавшую виды папку и решительно стянул на ней тесёмки. Это был знак. Умный поймёт. А дурака я и так выгоню.

Гость печально кивнул.

– Вы мне не верите?

Я замер на секунду, потом отрицательно помотал головой. Хотел бы я увидеть человека, который поверит в подобную чушь.

– А я вас себе другим представлял, – раздумчиво молвил гость, поднимаясь.

Я тоже поднялся.

– А вы что, слышали обо мне?

– Не только слышал, но и читал ваши книги.

– Вот как? И что же вы читали?

– Да много чего. «Последний из Атлантиды», «Космический апокалипсис», «Проклятие времён», «Нашествие», «Найти себя», «Персона нон грата»...

Он остановился, как бы передохнуть. Я молча смотрел на него. Потом, словно одумавшись, отрезал:

– Вы меня с кем-то путаете. Я ничего такого не писал. Да и книг моих давно уже нет в магазинах. Это, наверное, мой однофамилец. Лапиных много.

– Ничего я не путаю! – с жаром заговорил гость. – Ваши книги продавались во всех газетных киосках. С фотографиями! Правда, вы там были несколько моложе.

– У вас есть книги с моими фотографиями? – наконец дошло до меня. – Вы это серьёзно? Гость потупился.

– Раньше были. Я же объясняю! Всё, что было в прошлой жизни, исчезло.

– Вместе с женой?

– Точно.

– Очень интересно. Было, значит, и сплыло...

Николай Иванович резанул меня взглядом.

– Не иронизируйте, – строго произнёс. – Всё гораздо серьёзней, чем вы думаете.

– Ну уж конечно! – с готовностью кивнул я. – У вас очень буйная фантазия. Вам самому нужно рассказы писать. Ведь для писателя главное что? Главное – свято верить в то, о чём пишешь. Вы, как я вижу, верите в свои фантазии, вот и опишите их! Гонорар получите. Прославитесь. И уговаривать никого не придётся.

– А вы не хотите попробовать?

– Мне домой пора, – отрезал я, направляясь к выходу. Остановился у двери, выразительно посмотрел на гостя. Тот нехотя двинулся ко мне.

– А ведь вы ещё стихи пишете.

– Да что вы говорите!

Николай Иванович вдруг вскинул голову и начал декламировать, глядя в потолок:

Весь этот мир, гремящий чудесами,
И солнца шар с палящими лучами,
Мне более уже не интересны,
Они похожи на такие песни,
Которые ты слышал много раз,
И песни все отчаянно приелись,
И солнца жар, которым яро грелись,
Всё-всё отменно надоело мне!
Но жар души во мне ещё пылает,
И душу временами согревает,
И в сполохах душевного волненья
Мне чудятся волшебные виденья,
Они одни не изменили мне...

– Замолчите! – крикнул я. – Откуда вы это взяли?

– То есть как? – спокойно ответил гость. – Из вашей книги.

– Какой, к чёрту, книги? Я эти стихи никогда не печатал и даже никому не показывал. Это очень слабые, напыщенные стихи! Их мельком видел один человек! Единственный рукописный вариант я уничтожил собственными руками двадцать лет назад!

– Я же вам говорю, это стихотворение напечатано в вашей автобиографической дилогии. Книга издана в Ленинграде в две тысячи втором году. Тираж – пятьдесят тысяч экземпляров. Цена – пятнадцать рублей. В магазинах её уже не найти. Только с рук...

Свет померк в моих глазах. Я почувствовал слабость в ногах и, опёршись о край стола, медленно опустился на стул.

– Вы что, издеваетесь?

Гость молча смотрел на меня сверху вниз. Лицо было серьёзно, в глазах – сочувствие.

Сделав над собой усилие, я поднялся.

– Говорите прямо: откуда вы взялись? Кто вас прислал?

– Я уже сказал, я вчера из похода вернулся, а тут чёрт те что происходит. Вот и решил, что, кроме вас, в этом никто не разберётся.

– В чём – этом?

– Во всей этой чертовщине! Вы сами посудите, откуда бы я мог знать об этом вашем стихотворении? Вы в своей книге так и написали, что хотели его уничтожить, но вам лень было встать с кровати и порвать листок со стихами. А утром вы передумали и не стали его выбрасывать. Так оно и осталось. А потом вы решили его опубликовать – для полноты картины, так сказать. Чтобы лучше был виден ваш рост, от беспомощности к высотам мастерства.

– Какой картины? Что вы мелете? Я вам говорю, что собственноручно уничтожил это дрянное стихотворение. Оно существует только в моей памяти и больше нигде, понимаете? Я сам уже не помню этот бред!

– Но откуда тогда я знаю про него?

Я дёрнулся всем телом и замер. Действительно, откуда? Я точно помню, что листок со стихотворением уничтожил в 1998 году, зимой, в лютый мороз. У меня и в мыслях не было предавать его огласке! Я написал его в минуту душевного смятения, а после стыдился написанного, как всякий человек стыдится собственной слабости. Я постарался забыть его, вычеркнуть из памяти сам факт его написания!

– Константин Фёдорович...

Я навёл резкость в глазах. Передо мной стоял мой гость. Реальный человек из реального мира.

– Не переживайте так. Из-за какого-то стихотворения, стоит ли оно того? У меня, вон, вся жизнь пошла прахом, а я ничего, живу.

Я помотал головой, обвёл взглядом кабинет. Всё было на своих местах: четыре письменных стола, покосившиеся книжные шкафы, журнальный столик с электрочайником и невымытыми чашками, колченогая вешалка, мутное окно и серенькая погода за ним... Каким жалким всё это казалось! Боже мой, какое убожество! И в этом гадком кабинете я провожу лучшие годы своей жизни – жизни, которая обещала так много.

А что, если...

Я с новым интересом глянул на своего собеседника. Вот он стоит рядом – высокий, стройный, с грустной улыбкой на тонких губах. В глазах светится ум. Он совсем не похож на сумасшедшего.

– Как вас зовут, я запомнил? – спросил я, собираясь с мыслями.

– Николай Иванович, – с готовностью ответил он.

– Вот что, Николай Иванович. Давайте поступим следующим образом. Сейчас я всё обдумаю как следует, а завтра вы мне расскажете свою историю самым подробнейшим образом. Договорились?

Николай Иванович кивнул с задумчивым видом.

– Я знал, что вас это зацепит. Я ведь ещё далеко не всё вам рассказал.

– Вот и славно, – поспешно проговорил я. – Завтра всё и обсудим. А на сегодня достаточно. У меня и так голова идёт кругом.

– Конечно, вам нужно отдохнуть как следует. А завтра, на свежую голову...

Я лишь усмехнулся.

– Боюсь, добром это не кончится.

– Не надо так мрачно. Откуда такой пессимизм? В книгах-то вы вон какой решительный. Я предостерегающе поднял руку.

– Про книги не нужно. Хорошо?

– Хорошо, – кивнул Николай Иванович.

– А где мы с вами встретимся? – спросил я.

– Предлагаю у меня в лаборатории. Тут недалеко! Институт прикладной физики. Бульвар Гагарина, шестнадцать. Четвёртый этаж. Приезжайте утром, часиков в десять. Я кофе приготовлю. Вы такого ещё не пробовали. Аромат – обалденный!

Я ещё раз оглядел кабинет и согласно кивнул.

– Хорошо, я приду.

Мы пожали друг другу руки, и гость мой исчез. Через две минуты я замкнул кабинет и пошёл пешком домой, благо идти было не далеко.

* * *

Говорят, что утро вечера мудренее. Я долго верил в эту глупость, как все мы безоглядно верим во множество поговорок и самых глупых прибауток. Сила есть – ума не надо. Я знаю только то, что ничего не знаю. Век живи, век учись, дураком помрёшь, и т. д. и т. п. Всё это чушь собачья! В этом мире нет ничего ясного и устоявшегося. Любая истина – относительна. Все «окончательные» выводы относятся лишь к данности, которая непрерывно меняется у тебя на глазах. Да и то ли мы видим, что есть на самом деле?

В то памятное утро я шёл по бульвару Гагарина вдоль берега Ангары под холодным мелким дождиком, чувствуя в душе невероятную тяжесть. Накануне я весь вечер искал своё злополучное стихотворение. Конечно, я его не нашёл. Рукописного варианта просто не существовало! Но я надеялся на бездонную память компьютера, на его закоулки и потаённые места! Эти надежды не оправдались. На терабайтном диске были давно позабытые письма, какие-то безумные рецензии, реплики разных чудаков, планы работ, черновики рукописей и уже готовые рукописи – целая бездна их! Не было лишь этого стихотворения – единственного написанного мною стихотворения, этой судороги раненной души! Мне и в голову не приходило его печатать. Как же оно могло стать достоянием гласности? Нет, это какой-то бред. Мне всё это привиделось. Или я чего-то такое подзабыл, о чём непременно должен вспомнить. Что-то очень важное. Но что?

В таком состоянии я поднялся по бетонным ступенькам Института прикладной физики и не без труда открыл тяжеленную входную дверь.

– Вы к кому?

Сквозь стекло на меня смотрел охранник в чёрной униформе.

– Я к Николай Ивановичу.

– А-а, к Маркову? Он вас ждёт. Идёте вот прямо по лестнице, подниметесь на четвёртый этаж, потом налево до конца по коридору и там его лаборатория.

– Спасибо. Постараюсь не заблудиться.

Я прошёл сквозь металлическую вертушку и не без трепета вошёл в этот храм Знания, чертог научной мысли. Сумрачный коридор с высокими закруглёнными сводами уходил направо и налево. Прямо от входа – широкая мраморная лестница со старинными перилами в духе классицизма. Вспомнив, что до революции в этом здании располагался институт благородных девиц, я усмехнулся. Эх, времечко! Летит, словно птица. Очутиться бы вдруг в благословенном девятнадцатом веке! Чтоб всё было чинно и размеренно, чтобы лошади с колясками и девицы в кружевных воротничках. И никаких тебе компьютеров и сотовых телефонов! Никаких открытий и соблазнов. Тишина, созерцательность, умиротворение. Что ещё нужно для счастья?

Ноги уже вышагивали по мраморным ступенькам. Один пролёт, второй, третий. Мимо прошмыгнули несколько человек, на меня даже не взглянули. Каждый погружён в свои мысли,

на лицах сосредоточенность и как бы недовольство собой. Вот тебе и наука. Где же радость познания? Где подспудный оптимизм?

Наконец четвёртый этаж. Такой же точно просторный коридор по обе стороны. И – ни души! Видно, все сидят в своих лабораториях, ставят научные опыты. Ну и пусть. Хоть кто-то занят настоящим делом. Пройдя до конца коридора, я остановился перед дверью с табличкой «Лаборатория низких температур». Но, к вящему удивлению и радости, из-за дверей несло одуряющим запахом свежесваренного кофе. Это значит, Николай Иванович исполнил своё обещание, а я не ошибся дверью. Кинув окрест два взгляда, я вошёл в лабораторию и дальше уже шёл на запах. Два шага прямо между столами, поворот влево и ещё три шага, затем направо и – стеклянная матовая дверь. За ней я и нашёл Николая Ивановича в добром здравии и отличном настроении. Позади него широкое окно, в которое льётся свет с улицы. В тесном кабинете небольшой стол, два стула, стальной сейф на полу, книжные полки на стене и кофеварка на подоконнике, от которой шёл умопомрачительный аромат. Николай Иванович пожал мне руку и глянул с мягкой улыбкой. На нём была безукоризненно белая рубашка с расстёгнутым воротом, на спинке стула висел элегантный пиджак. Трудно было поверить, что с этим простым и здоровым человеком приключилась столь неправдоподобная история.

– Присаживайтесь, – произнёс он почти ласково. – Будем дегустировать кофе. Я уже привык, не могу без кофе. Голова не работает с утра. А вы любите этот арабский напиток?

– Да я больше чаем пробавляюсь. Но от хорошего кофе никогда не откажусь.

Николай Иванович согласно кивнул.

– У меня особый сорт. Сейчас попробуете. Мне из Москвы присылает одна родственница. А ей из Африки доставляют. Это кенийский, в зёрнах. Я его тут сам готовлю. У меня ручная кофемолка. Очень удобно и практично.

Так, разговаривая, Николай Иванович уже наливал две чашечки густого, как дёготь, дымящегося напитка.

– Берите сахар. Вот ложечка.

– Спасибо. А это ваш кабинет? Вы вчера говорили, что у вас теперь другая работа.

– Всё верно. Я раньше сидел в лаборатории, у меня там рабочий стол. Он и до сих пор там стоит, а вещи мои все здесь оказались.

– Странно, – молвил я, осторожно прихлёбывая обжигающий напиток. – А раньше в этом кабинете кто сидел?

– Раньше здесь был Зубрицкий Сергей Иванович. Доктор физмат наук, мой непосредственный начальник.

– И где же он теперь?

Николай Иванович как-то странно улыбнулся.

– Да здесь же.

– Где? – Я недоверчиво оглянулся.

– В лаборатории! За моим бывшим столом. У него там аппаратура, сосуды Дьюара, осциллограф. Всё как положено.

– Погодите. Что значит «положено»? Он-то сам что говорит?

– Да ничего он не говорит. То есть говорит, что, дескать, всегда так было. Сидит на этом месте пятый год и готовит к защите докторскую... под моим непосредственным руководством.

– Но вы только что сказали, что он уже доктор наук и что он был вашим начальником!

– Верно, так оно и было. Но он-то этого не помнит! Я когда попробовал сказать ему об этом, так он так странно посмотрел на меня, что я больше не заикался. Да и не он один. Вот сейчас придёт моя секретарша, сами всё увидите.

– Что я увижу?

– Ну как... Она меня знает много лет, помнит все мои привычки. Утверждает, что я всегда сидел в этом кабинете. А когда я у неё про Зубрицкого спросил, тоже так странно на меня посмотрела... Мне кажется, между ними что-то было.

Я сделал ещё один глоток и поставил чашку на блюдце.

– А между ей и вами ничего не было?

Николай Иванович с удивлением посмотрел на меня.

– Вы о чём?

– Ну... начальник и молодая секретарша. Извечный сюжет для анекдотов.

– Пока ещё не знаю. Надо будет спросить... А вот и она. Верочка, заходи!

В кабинет уверенно вошла высокая красивая женщина лет тридцати. Наглый взгляд чёрных глаз, уверенная поступь, гордая осанка. Она окинула меня оценивающим взглядом и рывком повернулась к шефу.

– А почему меня не подождали? Я дома не позавтракала, тороплюсь на работу как дура, а они тут сидят, кофе пьют без меня.

Николай Иванович развёл руками.

– Да вот гость у меня.

– Вижу.

– Познакомься, это Константин Фёдорович Лапин, известный в городе человек, так сказать. Писатель и всё такое.

Ещё один рассеянный взгляд, и секретарша без сил опустилась на стул.

– Наливай скорей, а то умру прямо сейчас, при свидетелях.

– Вот этого не надо! – Николай Иванович подхватил кофейник и, подмигнув мне, ловко наполнил фарфоровую чашечку дымящимся напитком. – Пожалуйста, вот сахарница. Сыпьте побольше, чтоб сладко было!

– Ну вот ещё! Хочешь, чтобы я растолстела? Я и так, вон, поправилась. Смотреть на себя противно.

Я с интересом наблюдал за этой перебранкой. Всё было так, как и всегда бывает в подобных ситуациях. В чеховской «Попрыгунье» тоже что-то подобное было. Никакой тебе мистики. Сплошная проза жизни. А лучше сказать: альфа и омега бытия.

Верочка сделала огромный глоток, опорожнив половину чашечки, и я решился.

– А скажите, уважаемая Вероника, давно вы знаете Николая Ивановича?

Секретарша с удивлением посмотрела на меня, потом перевела взгляд на шефа.

– Конечно, давно, а что?

– И он всегда сидел в этом кабинете?

Новый взгляд на шефа. Тот стоит с непроницаемым лицом, словно речь не о нём.

– Ну, я не знаю, – затынула она. – Я третий год тут работаю, а он уже тут был, когда я пришла.

– Именно в этом кабинете?

– Да. А почему вы спрашиваете?

– Я пишу рассказ про вашего начальника. Хочу узнать подробности. Вы мне поможете?

Секретарша всплеснула руками.

– Ну конечно, помогу, ой как здорово! А когда его напечатают?

– На следующей неделе.

– Ой как интересно! А вы про меня тоже что-нибудь напишете? Вы только напишите по красивше, чтобы всем понравилось! Я всем знакомым подарю, пусть знают, какая я!

– Конечно. Всё напишу как следует! Все читатели узнают, какая вы красивая, умная и обаятельная...

Та вдруг оборотилась к шефу.

– Ты слышал? Вот как нужно с дамами разговаривать. Первый раз видит меня, а уже кучу комплиментов напридумывал. А от тебя доброго слова не дождёшься. Ух ты злючка!

Я невольно отвёл взгляд. Никак не думал, что в научном учреждении бывают такие секретарши. Впрочем, я, как видно, вообще не очень хорошо знал окружающую действительность.

На моё счастье, развязная девица вдруг встала и вышла вон. Сразу стало как-то легче дышать. Я поднял голову и посмотрел на Николая Ивановича. Тот был всё так же благодушен, на лице играла отсутствующая улыбка. И я вдруг снова усомнился. Всё это смахивало на дешёвый розыгрыш. Только непонятно: зачем понадобилось меня разыгрывать? Какой в этом смысл? Вернее так: кому это интересно? Я не президент и не бизнесмен, я даже не политик. Я не играю никакой роли в этом мире, а все мои помыслы устремлены, как я сказал, к несбыточным целям и труднодостижимым идеалам.

– А вы не очень-то расстроены, – молвил я, пытливно глядя на собеседника.

Тот сделал удивлённое лицо.

– А почему я должен расстраиваться?

– Ну как, у вас жена исчезла. Выпал огромный кусок жизни. И вообще вы как-то легкомысленно себя ведёте.

– Вы Верочку имеете в виду?

– И её тоже.

Николай Иванович протяжно вздохнул.

– Я понимаю, вам это кажется странным. Но и вы поймите меня: я сегодня проснулся рано утром и сам чувствую про себя – улыбаюсь! Хорошо! И почему я должен расстраиваться? Со второй женой у меня как-то было всё не очень, детей у нас не было. С наукой не заладилось. И личной жизни никакой. А тут совсем другое дело! Любой бы обрадовался на моём месте.

Я поставил чашку на стол.

– Зачем же вы пришли ко мне? Я думал, вам нужна помощь.

– Конечно, нужна! Я просто хочу понять, что со мной произошло. Мне необходимо знать механизм явления, так сказать.

– Зачем же?

– Чтобы быть уверенным, что не окажусь однажды в том, своём времени. Или ещё где-нибудь.

– Так вы считаете, что попали в другое время?

– В другое время, или в другое измерение, в параллельную вселенную, в антимир... – я не знаю, как это называется. Да и не в названии дело. Просто... мне здесь очень нравится, и я хочу тут остаться.

Я широко улыбнулся.

– Ну так оставайтесь! Никто вас не гонит.

Николай Иванович церемонно поклонился.

– Спасибо!

– Не за что.

Мы помолчали. Николай Иванович словно бы прислушивался к своим мыслям, а я так странно себя чувствовал, что не выскажешь. То мне казалось, что я присутствую на спектакле. То начинал верить в происходящее. Но тут же одёргивал себя: полноте, ведь это очевидный бред! Да, бред (говорил я себе), но как-то так получается, что в этот бред мне хочется верить. Сам не знаю, почему это так. Но чем-то мне всё это очень нравилось. Быть может, потому, что я вдруг вырвался из своего мрачного кабинета, ушёл от повседневных забот, от ненавистных рукописей и незадачливых авторов. Вот передо мной весёлый, вполне оптимистичный человек. Этот человек несёт околесицу, а мне с ним весело и легко! «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман...» Что-то в этом роде.

– Ещё чашечку?

Я поглядел на Николая Ивановича. Он стоял передо мной и довольно улыбался.

– А может, коньячку?

– У вас и коньяк есть? – спросил я.

– Ну как же, полный бар. Раньше не было. А теперь и виски, и текила, и джин, и коньяк, и даже украинская горилка. Так что, налить рюмочку?

Я взмахнул рукой.

– Давайте!

В этот момент в кабинет вошла секретарша.

– Пьянствуете с утра! Это правильно. Одобряю. – Прошла мимо меня и бухнулась в кожаное кресло. – А мне нальёте?

Николай Иванович конечно же налил.

Всё было хорошо, и даже очень. Я цедил армянский коньяк тридцатилетней выдержки и вспоминал свою молодость. Коньяк этот залили в бочки в одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году. Славное было время! Время надежд, время предчувствия свободы. Мне было тогда двадцать семь лет. Я был здоров и энергичен, полон надежд и упований. Мне мерещились неоглядные дали и всё казалось достижимым. Полёты на Марс, личное бессмертие, какие угодно рекорды, слава, деньги, красивые женщины – всё уже было как бы моё (то есть твёрдо обещано внутренним чувством). Но лишь теперь я понял, что это было сиюминутное чувство сродни опьянению (если только молодость можно назвать опьянением и если избыток сил и восторг души можно сравнить с помешательством). Теперь я протрезвел, стал рассудительным и умным. Но, боже мой, как хочется снова впасть в этот юношеский маразм! И я задумчиво тянул из рюмочки терпкий армянский коньяк. А когда рюмка опустела, попросил ещё. Николай Иванович пытливо глянул на меня и молча наполнил рюмку до краёв.

– Вы мне всё больше нравитесь, – сказал он вдруг.

– Ого! – воскликнула секретарша. – Что я слышу? Это что-то новенькое! А я, стало быть, тебе уже не нравлюсь? Ну-ка, отвечай!

– Ну что ты, Верочка! – всплеснул руками Николай Иванович. – Ты у меня вне всякой конкуренции. Я ведь не в этом смысле.

Секретарша широко улыбнулась, обнажив крепкие белые зубы. Видно, здорова она была изрядно. Сильная, гибкая, выносливая. И, судя по всему, совершенно без комплексов. Повезло Николаю Ивановичу с секретаршей.

В голове у меня уже шумело. Пить с утра я не привык. Тем приятней было это головокружение, эта теплота, что медленно разливалась по телу. Стало покойно и радостно. И я позавидовал Николаю Ивановичу. Впервые в жизни подумал о том, что ошибся с профессией. Нужно было идти в науку! Сидел бы теперь в какой-нибудь лаборатории, варил бы кофе по утрам и целый день копался в каких-нибудь научных отчётах. Никто тебя не донимает. Не нужно каждую секунду думать о смысле жизни и что-то там из себя выдавливать. Жизнь коротка и прожить её нужно как можно тише, чтобы не было никаких потрясений, ни личных, ни общественных. Хорошо бы начать всё сызнова. Ей-богу!

– Что-то вы загрузили! – Снова передо мной стоял Николай Иванович. – Это на вас так коньяк действует. Не ваш напиток.

Я молча кивнул.

– Вы правы. Больше не буду пить. – Опустив голову, я стал припоминать что-то важное... – Вы, кажется, хотели рассказать мне о чём-то. Я вас слушаю.

Николай Иванович оборотился к секретарше:

– Верунчик, я тебя отпускаю. Можешь идти домой. Всё на сегодня.

Секретарша встрепенулась.

– Как это всё? А эксперименты?

– Завтра проведём.

– Но ты же сам меня торопил. Я жидкий гелий через весь город пёрла, как законченная идиотка. Это что за новости?

– Ну извини. Видишь, ко мне человек пришёл. У меня очень важный разговор!

Секретарша зыркнула на меня своими глазами.

– Ах так! Значит, он тебе важнее, чем я?

– Верочка, не капризничай. Я тебе вечером позвоню. Ну же, давай не бузи.

Секретарша поставила на столик рюмку со следами помады. Поднялась с оскорблённым видом. Сделала два шага и мотнула головой.

– Адю, мой птенчик!

– Мерси! – церемонно поклонился Николай Иванович.

Секретарша помедлила ещё пару секунд и наконец вышла.

Не выдержав, я рассмеялся.

– А вы неплохо вошли в роль. Можно подумать, вы эту Верочку всю жизнь знаете. А ведь сами мне вчера сказали, что впервые увидели её пару дней назад.

Николай Иванович развёл руками.

– Я сам удивляюсь! Оно всё как-то непроизвольно получается! Такое чувство, будто я всё это видел в далёком сне. А теперь вспоминаю. Иной раз вовсе не думаю, что говорить. Такое странное чувство, даже не знаю, как это объяснить. Вот вы играли когда-нибудь в театре?

Я отрицательно помотал головой. Николай Иванович быстро кивнул и продолжил:

– У меня такое чувство, будто меня выпустили на сцену, и я знаю, что всё это ненастоящее; но вдруг всё стало взаправду, и предназначенная роль как бы вошла в меня, стала моей новой сутью. Понимаете?

– Не вполне.

Николай Иванович подумал секунду, потом отмахнулся:

– В общем, всё это неважно. Я вот что хотел у вас спросить, только ответьте, пожалуйста, честно!

Я кивнул с преувеличенной важностью.

– Постараюсь.

Он вдруг придвинулся ко мне.

– А это самое... какая теперь у вас тут власть?

– В смысле?

– Ну кто сейчас генсек?

– Какой ещё генсек? Их давно нет. Упразднили в девяносто первом. У нас теперь демократия.

Николай Иванович выпучил глаза.

– Может, у вас и коммунистов нету?

Я замялся.

– Ну, не то чтобы уж совсем. Есть, конечно, но они уже не те, что были.

– Что значит, не те? Я что-то не понял.

– Да я сам их не пойму. То они были интернационалисты, то вдруг отчаянными патриотами заделались. Ленина раньше превозносили, теперь у них кумир Сталин. Частную собственность допускают. А ещё в Бога верить разрешили.

Николай Иванович изумился.

– Да что вы! Вы не шутите? Коммунисты в Бога уверовали?

– Ну, не все, но многие. Принимают верующих в партию и вообще... теперь они уже не руководят.

– А кто ж тогда руководит? – Он быстро подошёл к окну, откинул штору. – То-то я не вижу лозунгов. То на каждой подворотне висели, а то совсем ничего. «Верной дорогой идёте

товарищи...», «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить...», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»... А? Ведь было?

– Было. А теперь ничего этого нет. И уже не вернётся.

Николай Иванович недоверчиво улыбнулся.

– Так уж и не вернётся! Свежо предание, да верится с трудом.

Я пристально посмотрел на него.

– Так вы действительно ничего не знаете? Ведь перестройка была, а в девяносто первом коммунистическую партию запретили. Насовсем! Теперь у нас всенародно избранный президент. Путин Владимир Владимирович. Слыхали о таком?

– Ничего не слышал. Неделю назад, когда я из города уезжал, всеми делами заправлял Ситников Василий Иванович. Тоже, кстати сказать, всенародно избранный. – Николай Иванович взял себя за подбородок. – Хотя, чёрт его знает, как их там выбирают.

– Там, это где?

– Ну там, в моём времени.

– Так вы продолжаете утверждать...

– А вы продолжаете не верить...

– В то, что вы говорите, невозможно поверить. Ведь вы не привели ни одного доказательства своих слов.

– Какие ещё доказательства? О чём вы?

– Вам виднее. Это ведь вы учёный. Представьте, что перед вами аудитория и множество народу, и вы излагаете новую гипотезу. И вот вы говорите, говорите, говорите – и час, и два, и три – просто из кожи лезете вон, а вам никто не верит!

Лицо у Николая Ивановича вытянулось.

– Это почему же?

– Да всё потому же! Ведь вы не приводите ни одного факта в доказательство своих слов. В науке так не принято. И в жизни – тоже.

Николай Иванович снова взял себя за подбородок, прошёлся из угла в угол.

– Пожалуй, вы правы. Но в таком случае. – Он остановился и как-то боком глянул на меня. – В таком случае вам ничего другого не остаётся, кроме как отправиться по моим следам!

– Вы это серьёзно? И как вы себе это представляете?

– Очень просто. Возьмёте мою байдарку и отправитесь на Байкал, в Чёртову падь. Я вам объясню, как добраться. Там одна пещера есть. Очень древняя! Рисунки там разные. Ранний палеолит.

– Нет уж, увольте. Это не для меня.

– А чего вы боитесь? Ведь вы же мне не верите! Вот и прекрасно. Поживёте там недельку. Отдохнёте, сил наберётесь. Ну что вы сидите в своём кабинете? Кругом лето, природа, озеро уникальное. Весь мир нам завидует. Вы когда последний раз были на Байкале?

– Да уж и не припомню. Лет пять, наверно, прошло. Да и зачем мне Байкал? У меня дача под Иркутском. Прекрасное место. Трёхэтажный дом со всеми удобствами. Баня есть. Парная отделана кедровыми рейками. Отличный пар!

Дверь вдруг распахнулась во всю ширь. На пороге стояла Верочка.

– У кого это тут отличный пар? Вы что тут, на дачу намылились?

Николай Иванович с досадой обернулся.

– Ни на какую дачу мы не намылились! Я предлагаю Константину Фёдоровичу побывать на Байкале, дикарём. Даю ему свою байдарку. А он не хочет. Говорит, что дача у него. Как ты считаешь, что лучше – дача или байдарка?

– Конечно дача, – не раздумывая ответила секретарша. – Особенно, если там баня, да ещё с веничком. Ну? – И она устремила горящий взгляд на Николая Ивановича.

– Что – ну? – вдруг поперхнулся тот.

– Берёте вы меня с собой или нет? Я в баню хочу! Париться буду до одури.

– Я тебе говорю: ни на какую дачу мы не едем. Он (ткнул в меня пальцем) – идёт в поход, дикарём. Один, понимаешь? Будет спать под открытым небом и готовить себе на костре. Никаких удобств и веников. Поняла?

Секретарша буравила шефа взглядом. Потом перевела взгляд на меня и, не дождавшись сочувствия, поджала губы.

– Вот и всегда так! Жмоты вы все.

Подождала, не ответит ли чего Николай Иванович. Но тот стоял с деревянным лицом и ничего не говорил.

– Ну и катитесь на свою дачу!

Когда дверь захлопнулась, Николай Иванович улыбнулся.

– Ловко я её отбрил?

– Да не очень, – произнёс я. – По-моему, она обиделась.

– Ну и шут с ней, – отрезал Николай Иванович. – Сама напросилась. У нас тут серьёзный разговор, а она лезет со своей дачей.

Я едва не рассмеялся.

– Ого! Не думал, что вы такой обидчивый.

– Да не в обиде дело! Мы разговариваем, а она мешается... – Он вдруг замолк, испытующе глядя на меня. – Ну так что, вы согласны?

– Нет конечно! Чего это вдруг я поеду ночевать в какую-то там падь? Мне что, делать больше нечего?

Николай Иванович помрачнел. Опустил голову, о чём-то размышляя.

– А ведь я вам ещё не всё рассказал.

Я уже собрался уходить, но приостановился.

– В самом деле? И что же вы утаили от меня?

– Я у шамана был, перед тем как в поход отправиться.

– Вы были у шамана?

– Представьте себе... был. Говорил с ним.

Я замер от неожиданности.

– Занятно... и о чём же вы говорили? То есть я хотел спросить, где вы его нашли? Ведь шаманов теперь нет.

Николай Иванович вскинул голову.

– С чего это вы взяли? Шаманы очень даже есть. Да и с чего бы им исчезнуть? Они были и будут. Всегда! Вот вы писатель, а не знаете.

Я не нашёлся, что сказать. Действительно, откуда мне знать: есть шаманы или нет? Ведь я не проверял. Проклятые рукописи всё затмили.

Мне всё ещё хотелось уйти, но и остаться тоже хотелось. Про шаманов я кое-что слышал любопытное. Шишков в своей «Угрюм-реке» про них что-то очень страшное написал. И вообще...

– Ну, рассказывайте! – молвил я, опять садясь в кресло. – Есть ещё кофе?

Кофе нашёлся. Через минуту я прихлёбывал из фарфоровой чашечки горький напиток и снисходительно слушал очередной рассказ. Я не буду приводить его дословно, но суть в следующем: Николай Иванович, наведя предварительно справки, отправился за двести километров в посёлок Черноруд, затерянный в Тажеранской степи Прибайкалья. Там он без долгих раздумий зашёл в почерневший от времени дом и спросил шамана, которого ему порекомендовал один иркутский историк (как подлинного бурятского шамана, в отличие от самозванцев и новоделов). Шаман плохо говорил по-русски (а может, прикидывался), но разговор у них не получился. Шаман молча выслушал вопросы Николай Ивановича (касательно его будущего, научной карьеры, здоровья и благополучия) и ничего не ответил. То есть он что-то там шам-

кал беззубым ртом, но ничего разобрать было нельзя; шаман был выживший из ума плешивый старик, с которого нечего и спрашивать. Но кое-что Николай Иванович с собой увёз из этой богом забытой деревни.

– Представляете, – говорил он в сильном волнении, – я уже вышел со двора, как вдруг подбегает ко мне девчущка и суёт в руки какой-то кулёк. Я не хотел брать, но она сказала, что дедушка послал мне подарок и я обязательно должен взять!

– И что же? – не выдержал я. – Взяли?

Николай Иванович кивнул.

– Взял.

– И что там было? – снова спросил я, борясь с зевотой. Николай Иванович был ещё тот рассказчик: то болтал без умолку, а то слова не вытянешь.

– Там была глиняная бутылочка. С узорами! А в бутылочке – *архи*. Бурятская водка, по-нашему.

– Водка? Вы шутите? Шаман дал вам бутылку водки?

Николай Иванович поморщился.

– Да не водку он мне дал, а бутылочку архи. Ну? Это же их священный напиток. Тотем, значит.

– Первый раз слышу, что архи – священный напиток, – ухмыльнулся я.

– Я и сам этого не знал! А потом убедился.

– И как это вы убедились?

– Ну, отхлебнул из той бутылки, когда в пещере ночевал. С этого всё и началось.

– Что началось?

– Ну, события всякие. К вам вот сюда попал...

Я умолк, не зная, что сказать. Николай Иванович смотрел на меня с непонятной укоризной, словно ждал утешения.

– А почему вы сразу не сказали, что пили водку в своей пещере? Это многое объясняет.

– Опять вы про водку! Я же сказал, я сделал всего пару глотков. Это всё равно что бутылка пива.

– Ну хорошо. Вы сделали два глотка. И что было дальше?

– Лучше спросите, что было перед этим.

Я лишь пожал плечами.

– Говорите, раз уж заикнулись.

– Перед этим я попал в шторм, чуть не утонул там прямо у берега! Там ведь глубина страшная! Дно почти вертикально уходит вниз. Просто чудом спасся.

– Рад за вас, – пробормотал я.

– Лодку утопил, сам воды нахлебался. Хорошо, что возле берега был. Ветер как хлестал, байдарку сразу и перевернуло. Все припасы пошли ко дну. Сам едва спасся.

– А как же ваш архи? Он тоже пошёл ко дну?

– Он у меня во внутреннем кармане лежал. И спички в полиэтиленовом пакете. Бережёного, знаете ли, бог бережёт. Вот оно и пригодилось! Я, как на берег выбрался, сразу от воды прочь пошёл, сквозь чащу. Всё в гору да в гору. А темень была страшная, дождь вдруг хлынул как из ведра. Холодно стало, у меня зуб на зуб не попадал. И молнии сверкают! Жутко мне сделалось. Лето, самая тёплая пора на Байкале, а я натурально замерзаю. Просто околеваю, как шелудивый пёс! Не знаю, как бы я там до утра дотянул. Вовремя вспомнил про бутылочку. Она меня спасла. А что мне оставалось? И вот же чудо! Через несколько шагов я вышел на такую площадку перед высокой скалой. А в скале – дыра в рост человека. Ну я там и спрятался. Внутри сухо было и не так холодно. Костёр развёл, согрелся чуток. Ну а потом такие страсти начались, что не расскажешь!.. – Иван Николаевич досадливо махнул рукой и отвернулся.

Я терпеливо ждал. Наконец он снова глянул на меня.

– Вы всё ещё не верите?

– Почему же? Верю. Тут нет ничего необычного. Ночь, пещера. Внезапно ветер налетел. Это на Байкале сплошь и рядом. Люди тонут. Я от многих слышал. Сам однажды чуть не утонул. Николай Иванович удовлетворённо кивнул и вновь задумался.

– Ну а дальше что было? – поддакнул я.

– А дальше я как-то смутно помню, – заговорил он, глядя в одну точку. – Костёр хорошо помню. Тепло было и по-своему уютно. Это, знаете, когда снаружи хлещет ливень, молнии сверкают, страшно грохочет над самой головой, Байкал совсем рядом шумит так, что уши закладывает, а тут – тепло, покойно, костёр пылает, и голова как-то странно кружится. Мне вдруг стали мерещиться какие-то линии на стенах, будто бы древние рисунки задвигались.

– Там ещё и рисунки были?

– Ну я же вам говорил, наскальная живопись там! Такие, знаете, звери, первобытные люди с копьями. Но всё так по-детски, некрасиво. И вдруг всё это задвигалось! А ещё мне стало казаться, будто вздыхает кто-то рядом. Шаги слышались в глубине, будто кто-то ступал осторожно. Но ведь я знаю, что там не было никого.

– Откуда вы знаете?

– Я проверял. Ползал туда.

– А зачем ползали?

– Да оно как-то само собой получилось. Интересно мне стало, что там дальше. Прошёл несколько метров, а потом потолок низкий стал, и я пригнулся. Потом потолок ещё ниже, и я встал на четвереньки. А потом ползти пришлось.

– Вы могли там застрять. Чего вас туда понесло?

– Я и застрял! Чувствую, ни туда, ни обратно. И что удивительно, страха не было. Я мгновенно потерял все ориентиры. То есть понимал, где перёд, а где зад – чисто логически. Но стоило зажмуриться, как всё мешалось. Меня словно крутило на месте, голова сильно кружилась. Иногда казалось, что я лечу куда-то, падаю.

– Странно, – проговорил я.

– Очень! – согласился Николай Иванович. – Лежишь в каменном гроте, со всех сторон стены давят, а ощущение такое, будто проваливаешься в пустоту. И крутит тебя, и куда-то втягивает. Очень необычное ощущение! И жуткое.

– Гм... И долго это продолжалось?

– Долго. Всю ночь. Я как будто уснул. Но и во сне всё куда-то полз, протискивался. А может, мне это казалось. Не знаю. Меня словно бы душили, толкали в грудь, куда-то звали.

– А кто толкал?

– Откуда я знаю. Я до сих пор не понимаю, что это было. Сон или бред, а может, галлюцинация... Так бывает, когда сильный жар. Я ведь вполне мог и простудиться, когда в ледяной воде барахтался. Любой бы на моём месте занемог.

Мы снова помолчали.

– Ну и чем всё закончилось? – спросил я.

– Так что... проснулся утром. Вижу, свет впереди. Голова не кружится, руки-ноги на месте. Ну я и стал осторожно выползать.

– То есть вперёд?

– Конечно.

– А до этого куда ползли?

– Тоже вперёд.

– Как же это может быть? Ведь вы должны были назад пятиться.

– Я и сам не пойму. Быть может, как-нибудь развернулся ночью, и сам не заметил.

Я хотел возразить, но вовремя спохватился. В такой ситуации спорить – себе дороже. А Николай Иванович продолжил как ни в чём не бывало:

– В общем, прополз несколько метров, потом встал на четвереньки, а затем и на ноги поднялся. Вышел из пещеры – мать честная! Солнце блестит, аж глазам больно. И тихо так! Будто и не было никакой грозы.

– На Байкале всегда так, – заметил я. – Вчера буря, а сегодня – тишь, гладь да божья благодать!

– Короче, выбрался я из пещеры и пошёл вниз по тропинке. Там внизу тропинка, оказывается, была. Спустился к берегу и потопал в сторону Листвянки.

– А как же лодка?

– Так ведь она утонула.

– Достать не пробовали?

Николай Иванович посмотрел на меня с таким видом, что мне сделалось неловко. Я пожал плечами и спросил:

– Ну хорошо, вы направились в посёлок. Что было дальше?

– А дальше натурально начались чудеса! – Глаза у Николая Ивановича заблестели, он как-то сразу приосанился, смотрел так, будто приготовил забавный сюрприз. – Часа через два я был уже в Листвянке. Смотрю, а там всё какое-то необычное. Какие-то странные здания, машины диковинные, и народу – не протолкнуться. И все вокруг такие необычные... я даже оробел чего-то.

– Что значит, необычные?

– Ну, значит, одеты они были не по-нашему. У всех такие пёстрые наряды, аж в глазах рябит. А многие были в шортах, никакого стеснения! И причёски какие-то не наши. И ведут себя вызывающе, шумят, разговаривают на всю улицу. Я просто обалдел! Стою, рот разинул. Ничего не понимаю. Дошёл кое-как до автобусной остановки, хотел билет купить до Иркутска, а у меня деньги в кассе не берут. Говорят, они ненастоящие. А билет, знаете, сколько стоит?

– Ну?

– Сто пятьдесят рублей! Представляете? Это же половина моей зарплаты! Я накануне из города за полтора рубля доехал, а тут – сто пятьдесят рябчиков плати. Я думал, кассирша шутит. А оно взаправду оказалось!

– И как вы до Иркутска добрались?

– Ну как... пустили-таки. Кто-то там заплатил за меня. Пожалели, видать. Сидел всю дорогу как чумной, всё казалось, что вот-вот проснусь и всё станет как надо. Ну а когда в город приехал, уж тут такое началось... да я вам об этом уже рассказывал.

Николай Иванович махнул рукой и отвернулся.

Я с шумом втянул в себя воздух и потихоньку огляделся. Предметы стояли на своих местах, солнце светило в окно, в воздухе плавали пылинки. Ничего необычного. Всё казалось незбылемым, навеки данным.

– Странная история, – молвил я, так ничего и не придумав.

Николай Иванович пристально посмотрел на меня.

– Я понимаю, в это трудно поверить. Поэтому и предлагаю побывать в этой пещере. Сами всё увидите.

– А что я могу увидеть?

Николай Иванович пожал плечами.

– Этого я не знаю. Но что-нибудь обязательно произойдёт. У меня ведь ещё остался этот напиток, от шамана! Сделаете пару глоточков, и что-нибудь обязательно случится!

Я медленно поднялся.

– Знаете что, я, наверное, пойду. Мне ещё работать надо. Рукописи там у меня...

Николай Иванович замер.

– Вы уходите?

– Ухожу. Служба. Я ведь сейчас на работе должен быть.

Мой собеседник казался поражённым.

– Так вы отказываетесь?

– Пока ничего не могу сказать. Я должен подумать.

– И сколько вы будете думать?

– Не знаю. Это будет зависеть от разных обстоятельств.

Николай Иванович с размаху опустился в кресло.

– Вот так номер. А я уже лодку для вас приготовил.

– Какую лодку? Вы же её утопили!

– Правильно, утопил. А домой приехал – там точно такая же лежит. Та же самая модель – «Таймень-2».

– Что вы говорите? И я должен на этом «Таймене» куда-то там плыть?

– Не куда-то, а в пещеру...

Я мотнул головой.

– Всё, достаточно. Мне нужно идти. До свиданья!

Решительно направился к двери. Остановился на пороге. Николай Иванович смотрел на меня с таким видом, будто я уносил с собой его счастье. Брови выгнулись дугой, губы свернулись в трубочку, в глазах – неизбывная печаль. Мне отчего-то стало жаль его.

– Послушайте, – произнёс я уже мягче, – мне действительно нужно всё хорошо обдумать. Я вам обязательно позвоню. Хорошо?

– А когда вы позвоните?

– Сегодня вечером.

Николай Иванович неуверенно кивнул.

– Хорошо, я буду ждать. Но я вас прошу, ради всего святого: не отказывайтесь. Вы не пожалеете!

Я открыл было рот, чтобы возразить, но вовремя спохватился. Поспешно кивнул и вышел вон. Несколько манёвров между столами с громоздящейся на них аппаратурой – и я оказался в пустом гулком коридоре. Убедившись, что меня не преследуют, уже спокойнее двинулся дальше, бормоча про себя: хорошо всё то, что хорошо кончается, а хорошо смеётся тот, кто смеётся последним. И хотя я не смеялся в ту минуту, но особого горя тоже не чувствовал. Скорее радость, что так легко отделался.

Но однако же рано я радовался. Ничего ещё не кончилось. Всё только начиналось.

* * *

На следующее утро я позвонил Николаю Ивановичу и без долгих предисловий сообщил о согласии на эксперимент. Сказал, что не то чтобы поверил его неправдоподобному рассказу, а просто хочу воспользоваться отличной возможностью отдохнуть на природе, потому что это никому ещё не повредило и всегда на пользу! Вежливо выслушав, он предложил мне встретиться и обсудить детали. На это я ответил, что встречаться нам нет никакой нужды, а просто я приеду на следующее утро на пристань «Ракета», и он тоже пусть туда приезжает и привозит свою байдарку и спальный мешок. Всё остальное у меня есть, пусть не беспокоится.

На том и порешили.

Николай Иванович, видно, не ожидал, что я до Листвянки поплыву на теплоходе. Он, верно, думал, что я от самого Иркутска буду на байдарке 70 километров грести (сам он так и делал). Но мне ведь уже не двадцать лет! Зачем такие крайности? «Ракета» добросит нас до Листвянки за полтора часа, а уж оттуда я буду двигаться как и положено – на вёслах!

В общем, на другой день мы встретились на пристани. Я никуда не спешил и приехал ровно к двум. Николай Иванович заметно нервничал.

– Вы едва не опоздали, – произнёс с укоризной.

– Ну и что? – легко ответил я. – Уеду на следующем пароходе. Делов-то!

– Нам ещё байдарку нужно будет собрать, вещи упаковать. Потом вы до места будете плыть около часа. Нужно засветло успеть.

– Успе-ею! – обещал я. – А вы что, тоже поплывёте? Мы так не договаривались!

– Помогу вам байдарку собрать, а потом вернусь в Иркутск. Вы ведь сами не соберёте.

Я поспешно закивал.

– Ну да, конечно. Это правильно. – И, подумав, спросил: – А палатку взяли?

– Я всё взял! Примус, сухое топливо. Тушёнки пару банок.

– Сухарей мешок... – продолжил я.

Николай Иванович резанул меня взглядом.

– Не надо шутить! После посмеёмся... когда вы вернётесь.

– Да уж надеюсь, – ухмыльнулся я.

Такая приятная беседа была прервана пронзительным свистком. Судно с резкими стремительными формами, раскачиваясь на им же поднятой волне, быстро приближалось к деревянному причалу. Пассажиры на берегу дружно схватились за свои тюки. Я поднял рюкзак за ляжку, Николай Иванович могучим движением вскинул на плечи здоровенный брезентовый тюк, в который была упакована разборная байдарка. Я эти байдарки когда-то видел, однажды даже довелось прокатиться. Впечатление довольно среднее. Перевернуться на таком судне – раз плюнуть. Снаружи она резиновая, а изнутри – алюминиевая (составленная из полых трубочек). Длинная, узкая, донельзя вертлявая и страшно ненадёжная! На таких байдарках некоторые любители острых ощущений ходят по периметру вокруг Байкала. И даже берут с собой жён и малых детей! Ничего не боятся! (Вот народ!). Так испугаюсь ли я непродолжительного путешествия? Нет конечно. Зато будет о чём рассказать жене и поведать читателям, для коих я напишу художественный очерк, где будут яростные волны, ураганный ветер и холодные брызги «батюшки-Байкала». Всё будет, дайте только срок!

В общем, мы погрузились на эту самую «Ракету». Устроились в салоне, где не дует и тепло (а на верхней палубе даже и летом так просквозит, что не обрадуешься). За час с небольшим добрались до Листвянки, а там сошли на берег. Ничего необычного. Пришлось, правда, тащить свой груз почти километр туда вдоль берега, где нет туристов. Мы ушли за крайние дома, чтоб никто не подходил и не спрашивал: «А что это у вас такое? Куда это вы собрались? Возьмите нас с собой!» – и так далее. Зеваки всё равно подходили, но не очень часто. Да мы и управились быстро. Видно было, что Николай Иванович имеет большой опыт по этой части. Сперва он собрал из трубочек одну половину байдарки, потом вторую, затем сцепил посередине обе половинки, а уж после мы стали натягивать на этот экзоскелет длинную чёрную шкуру – днище и борта, сделанные из цельного куска толстой и довольно тяжёлой резины. Всё оказалось не таким уж сложным. Управились минут за двадцать. Байдарка была поставлена частью на воду, а частью – на гальку (чтоб не уплыла). Затем началась погрузка.

Погода была ясная, но ветреная. Солнце светило ярко и весело, однако ветер был студёный, пронизывающий насквозь. Издали-то оно всегда весело смотрится, особенно на картинках. А как окажешься на берегу, так сразу ничего не охота. А лучше бы – прямо домой на тёплый диван. Но... делать нечего. Слово дал – нужно выполнять. Да и отдохнуть от города тоже не помешает. Смена обстановки и всё такое. «Проплыву несколько километров вдоль берега, потом пристану и заночую в этой чёртовой пещере. Костёр поярче разведу, буду на звёзды смотреть и тушёнку лопать с сухарями!» – так я себя успокаивал. Но на душе было беспокойно.

В байдарку я забирался с превеликой осторожностью. Ступать нужно было точно посередине. Это тебе не моторная лодка, на которую прыгают с высоты двумя ногами, а она ухает вниз, а потом покачивается на волнах, и всем весело! С байдаркой не так. Просто стоять в ней – это уже готовый цирковой номер. Я сразу же сел на деревянное сиденье. Такое чувство

было, что я сижу прямо в воде, то есть в озере! Резиновые борта едва возвышались над водной гладью. Мне вдруг страшно стало: как же я на ней поплыву?

Николай Иванович словно бы читал мои мысли.

– От берега далеко не отплывайте. Тут есть глубокие места.

Не понимаю, зачем он про глубину сказал? Ведь если всё нормально будет, какая мне разница, глубоко тут или мелко?

Между делом он сунул мне глиняный пузатый кувшинчик со странными белыми узорами, будто наклеенными на пористую поверхность. Кувшин был заткнут небольшой деревянной пробочкой.

– Это подарок от шамана. Я вам говорил про него, – произнёс со значительным видом. – Там осталось грамм пятьдесят. Выпьете, когда будете на месте. Если захотите, конечно.

Я молча кивнул. Дают – бери! Выкинуть недолго...

Он зашёл в воду и, пригнувшись, двумя руками толкнул байдарку от берега. Байдарка с неожиданной легкостью заскользила по водной глади. Это было непередаваемое чувство! Краем глаза я смотрел на воду и видел, как вода возле борта темнела и словно бы сгущалась; дно быстро уходило вниз, так что дух захватывало! Взяв поудобнее двухлопастное алюминиевое весло, я примерился и черпанул правой лопастью изумрудную воду. Лодка слегка качнулась. Я тоже покачнулся, но, как говорится, бог миловал. Катастрофы не произошло. Я снова черпанул воду, на этот раз левой лопастью. И снова удачно. Николай Иванович внимательно следил за моими упражнениями. Лицо его было сосредоточенно, он о чём-то напряжённо думал.

– Всё нормально, идём ко дну! – крикнул я, желая развеселить его.

– Не отходите далеко от берега, – отозвался он. – Тут ветры бывают.

– Знаю, – небрежно молвил я.

Байдарка быстро продвигалась вперёд. Я попеременно грёб то правой лопастью, то левой, стараясь сильно не раскачиваться. Это мне удавалось, и я тихо радовался, что прошло уже больше минуты, а я всё ещё на плаву. А плыл я точно на север. Мы договорились с Николаем Ивановичем, что я пройду семь или восемь километров, а когда увижу над берегом нависшую скалу, а в ней – дыру в рост человека, так сразу же пристану и поднимусь к этой дыре. Это и есть та самая пещера, в которой я должен буду заночевать и всё увидеть.

Я, конечно, ни капельки не верил во все эти бредни. Но однако же огромная водная гладь, величественные горы, покрытые непролазным лесом, бездонное синее небо над головой, неземное спокойствие, вселенская ширь, безмолвие и неподвижность – всё это вселяло безотчётную тревогу. Вот тёмная бездна подо мной. Что это такое? Зачем она? Откуда взялась? Когда смотришь в самую глубину, в душу вселяется ужас. Не то что боишься утонуть. Нет, тут другое. Это ужас первобытного хаоса, первоизданной стихии. Все мы оттуда (если верить палеонтологам). Были когда-то инфузориями, и даже меньше, чем инфузориями. Мы были пылью, незримыми молекулами, мы плавали в этой воде, а потом размножились и выбрались на сушу. А вода осталась. И рыбы остались. И осьминоги. Хотя осьминогов в Байкале нет. Зато в других водах их превеликое множество. А что же тут?

Я размеренно грёб, толкая лодку вперёд. Берег медленно двигался мимо меня с левой стороны. У самой кромки воды был жёлтый песок, за ним переплетение кустов, изломанные сучья, перекрученные стволы, тёмный камень и снова сучья и стволы. Всё это мрачно и дико, почти зловеще. Так я и плыл. Подо мной за сердце хватающая бездна, с одного боку неприступная тайга, а с другого – необъятный простор, так что дух захватывает. И надо всем этим бездонное синее небо, а на небе, ближе к горизонту, солнце пылает и слепит глаза. Картина чудная и немножко страшная. Как и всё на Байкале.

Байдарка легко скользила над водной бездной. А лучше сказать – парила. Я словно бы висел в пустоте. Вода едва слышно журчала под днищем и убегала назад. Оглянувшись, я увидел крошечную фигурку на берегу. Николай Иванович ждал до последнего. Видно, хотел удо-

стовериться, что я не поверну назад. Но я и не думал поворачивать. Ещё несколько гребков – и фигурка скрылась за береговым выступом. Теперь я был совсем один.

Солнце неспешно клонилось к закату. Я решил прибавить ходу и удвоил усилия. Береговая линия причудливо изгибалась, делала коленца, и мне показалось невыгодным повторять все её изгибы. Наметив далеко впереди одинокий выступ, я взял на него курс точно по прямой. Это не беда (думал я), что немного отойду от берега. Зато время сэкономлю. И силы тоже. Берег стал медленно отдаляться. А выступ почему-то никак не приближался. Я всё грёб и грёб, вода журчала и стремилась мимо бортов, а берег словно бы застыл на месте. Известное дело: вода скрадывает расстояние, и то, что кажется близким, на самом деле очень далеко.

Как бы там ни было, но через полчаса я достиг желаемой точки. И тотчас увидел впереди такой же точно выступ. Смекнув, что до него несколько километров, я перестал грести. Руки с непривычки отяжелели, дыхание сбилось, и мне стало не до красот. С отчаянием поглядел на берег, но не увидел ни скалы, ни загадочной пещеры. Густая зелень покрывала неприступную кручу. Казалось невозможным подняться по этим зарослям, по острым камням, по перекрученным спутавшимся веткам. И я поплыл дальше.

Это повторялось несколько раз. Показывался береговой выступ далеко впереди, затем следовало страшно медленное продвижение к этому выступу, и – вопрошающий взгляд на скалы, покрытые лесом и всякой дичью. Наконец я сообразил, что проплыл не семь километров, а гораздо больше. Нужная мне пещера осталась далеко позади (да и была ли она?). Бросив весло на колени, я стал оглядываться. Лодка тихо покачивалась на волнах, берег был всё так же мрачен и неприступен. Заходившее солнце светило мне в затылок. Близилась ночь. Оказаться в кромешной тьме среди необозримой водной глади я никак не рассчитывал. Решив не искушать более судьбу, я повернул к берегу.

Но однако же плыл я несколько под углом, высматривая удобную площадку. Берег был таков, что высадиться можно было не везде. А уж чтобы палатку поставить – это нужно сильно постараться. Ставить её на песок у воды было нельзя (даже я это понимал). Но уже в двух метрах от прибоя начинались непроходимые заросли кустов, ещё через пару метров стеной стояли деревья. И чем дальше в лес, тем, стало быть, больше веток и дров. Впору было повернуть обратно и грести в Листвянку. Пропади всё пропадом!

Мне стало досадно. Вот она, сибирская природа! Все кричат: Байкал! Байкал! А что – Байкал? Ни искупаться, ни даже позагорать толком нельзя. Захочешь провести ночь на берегу, так и это большая проблема. И холодно, и мокро, и вообще... Повезло же мне родиться здесь, а не в каком-нибудь Кисловодске, где даже зимой тепло и романтично.

Я плыл, уже ни на что не надеясь и вконец расстроившись, утратив веру во всё, во что должен верить всякий разумный человек. Взгляд рассеянно скользил по зелёным зарослям, и вдруг я увидел скалу, в которой виднелось овальное углубление, на верхнем ободе которого были заметны следы чёрной копоти. По всем признакам это была пещера! Сердце радостно забило. Нашёл! Нашёл! Но... как же? Ведь нужная мне пещера осталась далеко позади! С другой стороны, какая мне разница? Главное, есть укрытие. Вдали от воды и в полной безопасности. Разведу костерок, вскипячу воду в котелке, буду пить горячий сладкий чай и греться у костра, буду смотреть на играющее лунными бликами озеро и на великолепное небо (какого никогда не бывает в городе), на яркие необычайно яркие звёзды и туманности. Если повезёт, увижу НЛО (которых, говорят, здесь много). О-о-о! Как это здорово! Чудесно! Восхитительно!..

От моей хандры не осталось и следа. Через минуту я торопливо вытаскивал байдарку на берег. Бросил её в кусты, скинул на плечи рюкзак и полез сквозь чащу в гору. На то, чтобы преодолеть по отвесному склону пятьдесят метров, я потратил четверть часа. Подошвы отчаянно скользили, кусты царапались и цеплялись за одежду, насекомые так и норовили укусить побольнее, а рюкзак с ужасной силой тянул назад, так что я едва не улетел обратно к своей

байдарке. К счастью, всё обошлось. Отдуваясь словно запаленный конь, я выбрался на небольшую площадку перед входом в пещеру. Каково же было моё разочарование, когда я увидел, что это вовсе не пещера, а обычный «карман» в скале. Издали не видно, что это всего лишь углубление в скале. Как если бы зачерпнули двухметровым ковшиком часть скальной породы – и вот вам небольшая выемка, в которой можно, при желании, расположиться на ночлег. Ежели пойдёт дождь, то, конечно, промочит. И если зверь налетит – прятаться негде. Но и всё равно это лучше, чем ночевать под открытым небом. Тут и готовое кострище, и монолитная стена с одной стороны, а с другой – крутой склон, по которому не очень-то побегаешь. Вряд ли какой-нибудь зверь снизу прыгнет!

Я шагнул к скале и уже собрался бросить рюкзак на землю, но вдруг увидел множество крупных костей возле самой стены в углублении. Кости были белые, чуть сбледна. Лежали они не как попало, а будто кто-то их раскладывал с неким умыслом. Видно, до меня здесь побывала весёлая компания, какие-нибудь студенты-обормоты. Готовили мясо на костре, пили-ели-веселелись, а уходя, решили оставить в память о себе этакий узор из обглоданных костей крупнорогатого животного. Вот вам наша молодёжь! То буквы всякие рисует где ни попадя, то гору бутылок набросает, словно взвод гусар пировал, а то намусорит и нагадит, нисколько не думая о том, что на это место могут прийти приличные воспитанные люди, которым всё это будет жутко неприятно.

Настроение было подпорчено, но я по обыкновению не опустил руки. Живо собрал все кости и побросал их в тут же валявшийся брезентовый мешок; отойдя пару метров, бросил пакет далеко вниз. Потом я заметил, что возле чёрного кострища стояли фарфоровые чашки с дождевой водой и противными букашками; их я тоже забросил подальше в кусты. Пошурудил палкой золу и вытащил оттуда несколько больших круглых камней и обуглившихся костей. Что мне оставалось делать? Я очень не люблю, когда в природе наблюдается беспорядок. Это ведь не твой рабочий кабинет, где можно вести себя по-свински. Тут мать-природа! Божественный храм! И вести себя в этом храме нужно соответственно...

Наведя таким образом относительный порядок, я стал устраиваться на ночлег. Расстелил на земле кусок полиэтилена, бросил на него спальный мешок, тут же разложил немудрящие припасы и занялся костром. Сухие ветки, мох, иссохшая трава – всё пошло в дело. Ловко чиркнул спичкой, и костерок занялся. Белый дымок пополз из самой глубины моха и пожухлой травы, что-то там затрещало и заскворчало... Взяв котелок, я направился к берегу за водой.

Второй раз подъём дался мне полегче. Я почти без потерь донёс воду до места, водрузил её на импровизированный таган и стал ждать.

Быстро темнело. От воды несло холодом. Кусты в пяти шагах стали неразличимы. Жутко остаться одному в ночном лесу! В городе отвыкаешь от такой первобытности. А когда вдруг очутишься среди неё... Да, не очень-то это здорово. Но я держался. Одну ночь как-нибудь перетерплю. Гоголевский Хома вон три ночи взаперти с ведьмой провёл. А мне – всего-то и делов, начать да кончить... Так я себя успокаивал, но в душе занималась тревога. Это молчаливое пространство, эта тьма, надвигающаяся со всех сторон и делающаяся почти осязаемой. Всё острее я чувствовал свою незащищённость перед слепыми силами природы. Бедные зверушки, сокрушался я, им-то каково? Всю свою жизнь они мечутся в этой кутерьме, прячутся друг от друга, дерутся и умирают в жестокости и страдании. Зимой в лютый мороз они мёрзнут до костей. Дождь их мочит, ветер продувает их насквозь, и негде им спрятаться и укрыться! Каждый кусок пищи приходится добывать с боем. Бедные! Бедные твари!

Неизвестно, до чего бы дошёл я в своих рассуждениях, но вода в котелке вдруг забурлила и в один миг покрылась пузырями. Я сыпанул прямо на эти пузыри горсть чая, на секунду утишив бурлящую поверхность, и проворно снял котелок с костра. Эх, если бы каждую бурю можно было погасить простым движением руки!

Банка улан-удэнской тушёнки, ломоть чёрного хлеба и кружка густого сладкого чая – чего ещё желать человеку в моём положении? Я живо расправился с тушёнкой, а потом долго швыркал чаем, с непривычки обжигаясь и смахивая рукавом испарину со лба. Вспомнились вдруг чьи-то строчки:

Пришли и стали тени ночи
На страже у моих дверей!
Смелей глядит мне прямо в очи
Глубокий мрак ее очей...

Хорошо сказано, чёрт возьми! Именно: пришли и стали. И стоят безмолвно, грозно и пугающе!

Однако тени иногда шевелились. Я приглядывался к ним, чего-то тревожился, а потом снова успокаивался. Это костёр даёт такие неверные ответы, так что кажется, будто тьма то сгущается, а то вдруг редеет, и пространство колыхается и дышит словно живое. Вот и Байкал-батюшка тяжело вздыхает в своём исполинском ложе, шумно бьётся о берег и о чём-то грустит. Костёр понемногу догорал. Дровишек я приготовил маловато. Да и где их взять на этом берегу? Тут и деревьев-то порядочных нет. А и были бы они – чем рубить станешь? Делать было нечего, пришлось укладываться спать. Я придвинулся к монолитной стене и влез в спальник. С одной стороны надо мной нависал массивный каменный выступ, с другой – было открытое пространство без края и границ. Угасающий костерок был чем-то вроде маяка, чтоб звери знали: сюда ходить нельзя, тут человек! Костёр, конечно, скоро погаснет, однако дымок долго ещё будет виться, и горелый запах тоже останется. На них вся надежда.

Нужно было поскорее уснуть, чтобы ночь прошла и утро наступило. Одной ночи на природе мне будет вполне достаточно – это я твёрдо решил. А утром – домой!

Незаметно для себя я уснул. Но сон был тревожен. Всё мерещились какие-то шорохи, словно кто-то большой и неповоротливый приближался ко мне, шумно вздыхал, переступал с ноги на ногу, а затем удалялся. Так работало воспалённое (а лучше сказать – испуганное) воображение. Я словно бы пребывал в двух мирах – действительном и мнимом. В действительном мире я спал, но краешком сознания чутко следил за обстановкой; из этой мешанины образов и впечатлений образовывались фантомы, о каких нормальному человеку лучше не знать. Вообще-то мне это было не впервой. Я и раньше плохо спал в палатке. Тут нужна многолетняя привычка. Крепость нервов. Равнодушие к самому себе. Да, равнодушие! А ещё – забвение себя, грубость чувств...

В какой-то момент я словно бы очнулся, мне вдруг почудилось, будто возле костра кто-то сидит. Я силился понять: во сне я это вижу или наяву. Не мог понять, открыты мои глаза или крепко зажмурены. Голова казалась неподъёмной, невозможно было пошевелиться или издать звук. Губы были словно склеены, я чувствовал на себе огромную тяжесть; мне было удивительно, что я могу сдерживать этот страшный вес и продолжаю дышать. Я почти уверен был, что сплю, но тут же спрашивал себя: как это может быть, что я сплю и понимаю, что это сон? Так может, это вовсе и не сон? Но тогда почему я не могу встать и свободно вздохнуть? Нужно прогнать наваждение, спугнуть тень! Сейчас я поднимусь во весь рост, и тень сразу же исчезнет. Но я не мог пошевелиться, а тень оставалась на месте. Я старался понять, что это такое передо мной, как вдруг тень пошевелилась. Это было человек! Вот его голова, плечи, согнутые ноги; сверху накинута какой-то балахон вроде того, что носят южноамериканские индейцы. Голова очень велика, на ней что-то вроде обруча, перья торчат полукругом. Я чувствовал, что *он* смотрит на меня. Во взгляде не было угрозы, но мне стало жутко. Хотелось проснуться и убежать. То и другое было выше моих сил. Я попытался зажмуриться, ничего не

видеть, но и это мне не удалось. Ветер вдруг стих, и я услышал голос – не голос, а какой-то шелест. Так шипит столетняя пластинка.

Фигура вдруг покачнулась словно в замедленной съёмке и поднялась во весь рост. Сделала шаг, другой. Вот она уже стоит надо мной. Я вижу её боковым зрением, но по-прежнему не могу пошевелиться. Снова послышался шелест с посвистами и вздохами. Теперь я точно знал, что это человек, но какой-то совершенно жуткий! – тёмный, словно бы высеченный из огромного куска монолита. Лица не видно, и глаз не видать, а слышен только голос – сипящий, утробный, словно ему трудно дышать. Слов было не разобрать, но эти слова звучали зловеще!

Фигура постояла надо мной, потом стала удаляться. Но я не видел, чтобы она шла. Просто уплывала вдаль. Вот она уже у погасшего костра, а вот уже слилась с тёмными кустами и стала смещаться вниз. Сердце моё сильно билось. Тень больше не придёт, это я понимал. Вокруг было темно и жутко. И вдруг словно лопнула струна, – в уши мне вдруг хлынули звуки прибоя, ветер зашумел. Я вздрогнул и открыл глаза. Резко поднявшись, сел, с силой провёл ладонью по лицу. Впечатление от пережитого ужаса было слишком свежо. Я напряжённо вглядывался в кусты, но ничего не мог разглядеть. В ушах всё ещё стоял этот жуткий шелест, в груди пробегал холодок. Что-то было не так. Пора было собираться в обратный путь. Горизонт над озером понемногу высветлялся, занялся свежий ветерок; по всем признакам близился рассвет. Я торопливо поднялся и стал собирать свои вещи. Свернул спальник, скомкал полиэтилен, выплеснул из котелка остатки чая и, упаковав рюкзак, стал ощупью спускаться к озеру.

К счастью, я не сломал себе шею. И байдарка оказалась на месте. Я стащил её на воду, положил в носовой отсек рюкзак и, цепляясь за борта, залез внутрь. Толкнулся веслом от берега и поплыл. Было ещё плохо видно, но заблудиться было невозможно; берег всею громадою темнел с правой стороны, и я твёрдо решил больше не удаляться от него. Бросил прощальный взгляд на каменный выступ, где я провёл ночь, и мне снова померещилась какая-то тень. Чёрная приземистая фигура металась и бесновалась на месте моего ночлега. Она то подпрыгивала, то сливалась со скалой, резко вскидывались тёмные руки с каким-то предметом; всё это в жуткой тишине, в призрачном свете. В груди у меня пробежал озноб, и я прибавил ходу. Хорошо, что я так быстро убрался отсюда! Мрачное место. Больше никогда не буду ночевать под открытым небом. И чего мне дома не сиделось?

Мысли роились и путались, словно мириады призрачных мотыльков, перед глазами вставали и тут же растворялись бесформенные тени, а я изо всех сил работал веслом, желая как можно скорее покинуть страшное место. Но странное дело: время шло, а рассвет никак не наступал. Тёмное небо затянула пелена, бесформенные тучи громоздились одна на другую. С берега вдруг задул пронизывающий ветер. Вода сразу пошла рябью, которая быстро сменилась высокими волнами. Байдарку закачало и стало сносить в открытое море. Я с тоской посмотрел назад; быть может, и не надо было торопиться, переждал бы непогоду у скалы. Но сожалеть было поздно, вернуться уже нельзя, а следовало плыть вперёд; надо было поторопиться, пока не разыгралась настоящая буря. Я решил держаться на воде до последней крайности. Вокруг уже ходили полуметровые волны, но байдарка легко взмывала вверх, задирая нос и убегая от медлительных водных масс. В такие мгновения я испытывал жуткий восторг, а в следующую секунду вода подо мной расходилась, и я проваливался в развёрстую пропасть, затем чтобы через несколько секунд снова взмыться в мутное небо. Лопаста весла то погружалась в кипящую воду, словно в масло, то со свистом рассекали воздух; сам я раскачивался, с трудом сохраняя равновесие. Воздух вдруг ослепительно вспыхнул, озарив величественную картину – застывшие в беспорядке волны и угрюмые скалы, покрытые густой зеленью. Через секунду небо словно разорвалось с ужасающим треском, раздался пушечный выстрел, так что я невольно пригнулся. Резко зашумело, зашелестело, будто тысячи мышей разом ринулись по железной крыше, и вдруг хлынул ледяной ливень! И снова всё ярко вспыхнуло, и через секунду громыхнуло. Я уже почти ничего не соображал, байдарка сама собой повернула к берегу. Несколько

мощных гребков – и утлая лодчонка ткнулась носом в песчаную отмель. Я проворно выскочил из неё и, крепко держась за борт одной рукой, пошёл по воде к берегу. Дождь хлестал, и я вымок до нитки. Никакого укрытия на берегу не было. Поставить палатку было негде. О костре можно было лишь мечтать. Оставалось последнее средство: я перевернул байдарку вверх дном и залез под неё. Подо мной всё было мокро, но, по крайней мере, сверху уже не лило.

И всё было бы терпимо, но я не учёл поднявшейся волны. Не прошло пяти минут, как ледяная вода стала с шипением докатываться до моего укрытия. Подняться выше по склону я не мог, там были мокрые кусты, густая трава, камни, коряги. Придвинувшись вплотную к кустам, я терпел сколько мог. Но очень скоро стало ясно, что долго оставаться в таком положении нет никакой возможности. Я окончательно замёрз и трясся, как бездомная дворняга поздней осенью, которая смотрит на тебя жалостливо и просит тепла и корма, а ты идёшь мимо и думаешь о своём, потому что тебе самому тепло и сытно и тебе совсем не до дворняги! Не знаю, почему мне вдруг вспомнилась эта несчастная собака? Может быть, потому, что я сам теперь был на положении бездомной твари. Но ведь у меня был дом! Совсем рядом посёлок, где есть тепло и пища. Почему же я здесь? Надо было на что-то решаться. В этот-то момент я вспомнил, что во внутреннем кармане куртки у меня лежит бутылочка с *архи*. О том, что это магическое зелье, я и не думал. Нужно было согреться, только и всего! В кармане у меня был алкоголь, а у меня зуб на зуб не попадал от холода. В чём же дело? Не мешкая ни секунды я сунул руку за пазуху и извлёк оттуда небольшую глиняную бутылочку. Она была тёплая и шершавая на ощупь. Не без труда вынув пробочку, я приник губами к узкому горлышку и стал жадно глотать вожделенный напиток. Кажется, не было в мире ничего в эту минуту желаннее для меня нескольких глотков жгучего напитка, огненно побежавшего по моим жилам и словно добавившего света в окружающем меня пространстве. В голову мне словно бы ударило изнутри, по всему телу прошла жгучая судорога; я как бы вывернулся наизнанку, а потом возвратился в прежний вид. Руки стали быстро согреваться, в груди расходился жар. Я уже не боялся стихии. Вода не казалась ледяной. И ветер не так уж и силён. А волны... что мне волны? И в шторм люди плавают и даже ходят под парусами...

Дальнейшее происходило словно бы само собой, без участия моей воли. Я был зритель, наблюдающий за собственными поступками. Я вдруг выпрямился во весь рост, отбросил байдарку в сторону. Та перевернулась и с хрустом упала на мокрый песок дном вниз. Решительно поднял рюкзак и бросил его в байдарку. В левую руку весло, правая цепко ухватилась за борт, потащил... Несколько решительных шагов по воде, среди набегающих волн и упругого ветра, и вот я уже перевалился через борт, и плыву, плыву!..

Страх не было, а была решимость победить или умереть! Волны не утихали, ливень всё так же бил тугими струями по плечам и по голове. Но я уже не боялся! Стихия стала частью меня. Не беда, что окончательно стемнело и наступила настоящая ночь. Не страшно потерять из виду берег. Я слышал справа от себя глухой прибой – этого было достаточно. Буду плыть, пока не достигну цели. Час, два, три или целую вечность... Это всё равно. Когда-нибудь ливень кончится, снова станет тепло и тихо. Тогда я с гордостью вспомню о том, как боролся со страшными волнами, как победил собственный страх. Да, так будет. Так оно и будет!..

В душе поднимался жуткий восторг. Это было необъяснимо, и это было прекрасно. Впервые в жизни я попал в переделку, но не струсил, не спасовал, а мужественно боролся наперекор стихиям и мрачным теням, поднявшимся из преисподней. Я их не боюсь! Я хохотал в лицо ветру. Я и в самом деле ничего в этот миг не боялся, сам чёрт мне был не брат...

«Но покачнулись тени ночи,
Бегут, шатаясь, назад.
Её потупленные очи
Уже глядят и не глядят;

В моих руках рука застыла,
Стыдливо на моей груди
Она лицо свое сокрыла...
О солнце, солнце! Погоди!»

* * *

Не знаю, что такое со мной было. Теперь мне кажется, что я слегка помешался. Вёл себя как умалишённый. Но отрезвление наступило довольно скоро.

Ту ночь (или это был день?) я запомню надолго. Дождь всё лил, ветер яростно срывал пену с кипящих волн, лодка моя то взмывала в тёмное небо, то жутко ухала вниз; я всё грёб и грёб, уже ничего не понимая, не различая направлений, действуя как сомнабула, почти как мертвец, который не знает, что он уже умер и пора бы ему угомониться. На каком я был свете? Этого я тоже не знал. Света не было. Не было никаких сторон. И времени тоже не было. Был лишь я и была восхитительная буря. Казалось, что весь мир охвачен этим неудержимым ветром и этой ночью. Ничего больше нет и уж не будет. Время остановилось. И так будет всегда.

Иногда я бросал весло и прислушивался. Но что мог я услышать кроме сумасшедшего воя ветра и шума волн? Берег я давно потерял из вида. Лодку мою качало и кренило, несло куда-то вдаль и в сторону. Иногда мне чудились звуки, будто кто-то проплывал рядом, но никого не было видно. Я пробовал кричать, но голос мой заглох, не получив отзвука. Силы оставили меня, и я уже согласен был умереть, сгинуть в этой пучине. Тоска всё сильнее сжимала сердце. Я сидел, опустив голову и ничего уже не ожидая для себя, временами забываясь и погружаясь в сон, в котором было всё то же – жуткие тени, ночь, гром и ветер. Наконец я вовсе оставил свои усилия и, повернувшись боком, лёг на дно байдарки. Будь что будет!

Поразительно, как я тогда не погиб! В шторм на Байкале переворачиваются большие катера. А тут – обычная байдарка. Теперь-то я знаю, что во всём этом был некий смысл. В какой-то момент я ощутил толчок снизу, прямо в днище. Байдарка покачнулась и стала. Я мигом открыл глаза и приподнялся. Кругом было всё то же – море воды и непроглядная тьма. Но было и нечто новое – вода стремилась мимо меня бурным потоком, а лодка стояла на месте, будто её что-то удерживало. При этом я видел кругом себя крутящиеся воронки, уносящиеся прочь струи! Но меня уже не раскачивало на волне, я ощущал под собой прочную опору. Но что это было, я никак не мог понять. Дождь всё хлестал ледяными струями – по голове и плечам, ручьём лился по спине; вода заливала ноги, я не знал, куда деться от воды. Я пробовал раскачивать лодку, и она послушно качалась из стороны в сторону, но с места не двигалась. Перегнувшись через низкий борт, пытался нащупать рукой опору под днищем, но рука беспрепятственно погружалась в ледяную воду, и больше ничего! Вдруг раздался оглушительный треск, казалось, небо раскололось на две неровные половины; на секунду стало светло, как днём, и я увидел чёрную гладь, стремительно несущуюся мимо меня. Молочный туман клубился, образуя причудливые фигуры. И никаких признаков берега. Никакой надежды на помощь. Я решил положиться на волю providения. Снова улёгся на дно байдарки и укрылся брезентовыми шторками. Под брезент вода почти не проникала, но всё равно было холодно и страшно. Я решил дожидаться утра во что бы то ни стало. А иначе я погибну в этом чёртовом месте – от холода и ужаса. Если я это заслужил, пусть так и будет. Силы человеческие небес-предельны.

Дальнейшее я помню смутно. Сознание временами гасло, и тогда мне казалось, что я нахожусь глубоко под землей, в тесной и холодной пещере, сверху льётся вода, я хочу выбраться наружу и не могу. Я метался и стонал, просыпался от собственного стога; лихорадочно ощупывал борта лодки и с облегчением понимал, что не замурован здесь заживо.

Рука тянулась к брезентовой накидке и шевелила её; я желал удостовериться, что в любую секунду могу выбраться на свободу. Сделав несколько глубоких вдохов, я успокаивался и принимал прежнее положение. Снова задрёмывал и опять видел какую-то жуть. Так повторялось несколько раз, пока наконец я не уснул по-настоящему – несмотря на холод и воду, на неудобное положение и абсурд происходящего. Так, наверное, спит измученный человек – в грязи, в стылой воде, среди всеобщего хаоса – когда у него нет больше сил на борьбу. Теперь я узнал, каково это.

Я уже не верил, что когда-нибудь наступит утро и придёт спасение. Но утро всё же наступило – безрадостное, серое и промозглое. Поднявшись со дна байдарки, я увидел молочную взвесь вокруг и... о ужас! – вода была где-то далеко внизу! Я вместе с байдаркой висел в воздухе без всякой опоры. Я резко перегнулся за борт, желая удостовериться, что подо мной ничего нет, лодка накренилась и стала сползать вниз, к несущейся воде. И я уже видел, что опора всё-таки была – это был огромный серый валун, выступавший из воды; его края уходили резко вниз и терялись в прозрачной глубине. Всё это я разглядел за ту секунду, пока лодка медленно кренилась и вдруг сорвалась вниз, упала носом в воду, переломилась пополам, но не сломалась, а была захвачена потоком и увлечена прочь от жуткого валуна. Я всё не верил себе, оглядывался и видел позади чёрную бесформенную массу, пока она не скрылась в тумане. Что это было? Как я там оказался?.. Я лихорадочно соображал и вдруг понял! Это был знаменитый Шаман-камень, расположенный в устье Ангары. Каким-то чудом я ночью налетел на него и повис, как последний идиот. Всю ночь провисел, а теперь вот сверзился и – плыву! На минуту я удовлетворился этим объяснением. Но тут же возник вопрос: а почему я не видел камня ночью? И как оказался на такой жуткой высоте? Пятиметровая байдарка едва не стала вертикально, когда сползала с него в воду. Как же это могло произойти? Следовательно, ночью подо мной был не камень, а что-то другое. Но как я тогда попал на него? Ведь я точно знал, что байдарка не двигалась ночью, я бы обязательно это почувствовал. Да и кто стал бы меня на этот камень поднимать? Кому это надо было? Зачем?

Во всём этом была какая-то чертовщина. Разрешить её я был не в силах. Но хорошо было, что я всё же освободился из плена. Вокруг постепенно светлело, дождь почти перестал (так, сеялась какая-то пыль). И хотя было по-прежнему холодно и промозгло, я уже знал, что не погибну. Я усиленно грёб веслом, согреваясь на ходу и присматриваясь к берегу. Теперь я точно знал, что плыву по Ангаре, а впереди, в шестидесяти километрах, родной Иркутск. Ошибиться было нельзя. Уклониться от маршрута – тоже. Я решил не выходить на берег, а дойти на байдарке прямо до города. Пусть это будет моим ответом зловещей стихии. Она не смогла сломить меня, и я собственной волей и непреклонностью вернусь домой! Так я думал, усиленно работая веслом. Одежда быстро сохла на мне, внутреннее тепло разливалось по телу. Голова гудела, я был как в лихорадке. Иногда меня начинало трясти, но тем отчаяннее я грёб, безотчётно стараясь одно потрясение заместить другим. Пусть лучше я умру от изнеможения, чем погибну от лихорадки и немощи.

Попутное течение стало моим союзником. Вода весело переговаривалась под днищем. В разрывах белого пара то и дело мелькал берег – с нависающими над водой кустами, с густой травой и убегающими вдаль лугами. Я двигался вдоль знаменитого Байкальского тракта. Трасса проходила близко от берега, но я не видел её из-за густого тумана. И, странное дело, не было слышно звуков проезжающих машин. Я напрягал слух, но слышал лишь глубокую, какую-то первобытную тишину. Казалось, весь мир умер или погрузился в глубокий сон. Лодка быстро скользила по воде, и я слышал лишь тихое журчание под ногами, да всплески весла с обеих сторон. Течение здесь было стремительное, но через несколько километров должно замедлиться, ведь впереди была плотина. Но пока что меня несло и весьма быстро. Я стремился как можно дальше отплыть от Шаман-камня. Почему-то думалось, что в городе и погода будет другая – солнечная, тёплая, весёлая. Ведь лето в самом разгаре! Но я всё плыл и плыл, а погода не

менялась. За час я преодолел километров пятнадцать. Позади остались знаменитые Ангарские хутора, посёлок Большая речка (отдельные дома я сумел разглядеть у самого берега, и даже услышал протяжное мычание местной бурёнки). Река здесь расширилась (как я знал по опыту), и я забирал вправо, чтобы не плыть посередине и не налететь вдруг на «Ракету», летящую из Иркутска на подводных крыльях. Я плыл возле самого берега, ожидая увидеть знаменитые Тальцы, но ни посёлка, ни музейного комплекса так и не заметил. Берег был пустынен, и такой же пустынной выглядела водная гладь. И что было ещё страннее: река и не думала замедляться, она всё так же стремилась свои потоки вдоль берега. Да полноте, точно ли я на Ангаре? Но в этом невозможно усомниться! Из Байкала вытекает всего одна река (а впадает – бог знает сколько)! Да и не мог я далеко уплыть на своей байдарке от её устья. Это точно Ангара, вот и Шаман-камень как раз там, где и должен быть. Стало быть, всё верно, и я плыву домой. Надо только немного потерпеть, поработать веслом, и скоро я приму горячую ванну и буду пить кофе с коньяком в собственной постели. Никакие авантюры меня больше не затянут в свои сети. Баста, наплавался!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.